

УДК 331.556.4: 336.2

ТЕНЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РЫНКЕ ТРУДА В СИСТЕМЕ РИСКОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ

Облаухова Мария Васильевна,

oblahova@ngs.ru

Анофриков Сергей Павлович,

anofrikov@rambler.ru

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

Облаухова Мария Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Анофриков Сергей Павлович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных финансов Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Актуальность исследования определяется тем, что оценка рисков легализации доходов, полученных преступным путём, требует изучения факторов, способствующих возникновению и распространению данного феномена. Существенную роль в формировании преступных доходов играет теневая экономическая деятельность, размеры которой косвенно характеризуются масштабами неформальной занятости. **Цель** – изучение воздействия теневых процессов на рынке труда на формирование рисков легализации незаконно полученных доходов. В работе решены следующие задачи: дана оценка масштабов теневой занятости; выявлены основные механизмы влияния теневых процессов на рынке труда на риски легализации преступных доходов; даны рекомендации по снижению уровня рисков легализации доходов, полученных преступным путём через воздействие на теневые процессы в сфере занятости. **Методы:** сравнительно-сопоставительный анализ статистических и научных материалов, анализ процессов на рынке труда. Новизна исследования состоит в комплексном подходе к изучению теневых процессов на рынке труда как фактора формирования рисков легализации доходов, полученных преступным путём. **Результаты:** теневые процессы на рынке труда выступают фактором, повышающим риски отмыывания преступных доходов, сразу с двух сторон: во-первых, они являются одним из источников формирования преступных доходов; во-вторых, неформальная занятость и связанные с ней теневые доходы создают благоприятные условия для сокрытия основных каналов отмыывания доходов, полученных преступным путём. Поэтому мероприятия по противодействию легализации незаконно полученных доходов, реализуемые в рамках финансового мониторинга, должны сопровождаться мерами по снижению неформальной занятости, скрытой оплаты труда, незаконной миграции.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, отмыывание преступных доходов, неформальная занятость, нелегальная миграция, предикатные преступления.

Легализация (отмыывание) преступных доходов выступает одной из серьезнейших проблем, с которыми сталкивается современное международное сообщество. Будучи связующим звеном между криминальным сектором теневой экономики и открытой экономикой, отмыывание преступных доходов служит каналом, посредством которого доходы, полученные от криминальной практики, переводятся в легальную сферу экономических отношений, поддерживая тем самым и легальный, и криминальный бизнес, способствуя финансированию терроризма.

Негативные социально-экономические последствия легализации доходов, полученных преступным путём, трудно переоценить. Отмывание незаконно полученных доходов позволяет преступникам скрыть первоначальную противоправную деятельность, продуктом которой являются эти доходы, что усложняет задачу уголовного преследования за предикатные преступления. Потоки денежных средств, вовлеченных в незаконные финансовые операции, подрывают устойчивость финансовых рынков, распространение теневых сделок сокращает налоговые доходы бюджета. В результате замедляется экономическое, техническое и научное развитие страны, формируется неблагоприятный инвестиционный климат [1]. Специалисты считают, что легализация доходов, полученных преступным путём, обладает более высокой степенью общественной опасности по сравнению со многими другими экономическими преступлениями.

Современные международные стандарты противодействия легализации преступных доходов основаны на риск-ориентированном подходе. Первая Рекомендация ФАТФ предлагает странам уделять особое внимание определению и оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма для более эффективного распределения ресурсов в рамках национального режима противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма и применения риск-ориентированных мер в соответствии с Рекомендациями ФАТФ [2].

В свою очередь, оценка рисков легализации доходов, полученных преступным путём, требует внимательного изучения факторов, способствующих возникновению и распространению данного феномена. Выявление наиболее значимых факторов позволяет не только прогнозировать появление новых и динамику текущих рисков, но и формировать комплекс превентивных мер.

Основное внимание в литературе уделяется факторам, действующим со стороны правового регулирования финансовой сферы. В частности, специалисты отмечают среди значимых такие факторы, как: несовершенство механизмов контроля и мониторинга за деятельностью финансовых институтов [3]; проблемы правоприменительной практики [4]; несоблюдение международных стандартов регулирования финансовой деятельности; распространение коррупции среди государственных исполнительных, правоохранительных и судебных органов власти [5]; существование экономических зон, обладающих льготным порядком регулирования операций и контроля за деятельностью финансовых институтов [6]; трудности в обмене информацией с иностранными правоохранительными органами; законодательное закрепление тайны финансовых операций; существование анонимных денежных счетов и финансовых инструментов.

Однако не следует забывать, что легализации преступных доходов предшествует процесс их формирования, в котором существенную роль играет так называемая «теневая экономика» с высокой долей неофициальных доходов населения и бизнеса. В свою очередь, масштабы теневой экономической деятельности косвенно можно охарактеризовать масштабами неформальной занятости. В этой связи представляется актуальным изучение воздействия теневых процессов на рынке труда на формирование рисков легализации доходов, полученных преступным путём, что и составляет цель настоящего исследования.

Достижение поставленной цели требует решения ряда следующих задач: оценка масштабов теневой занятости; выявление основных механизмов влияния теневых процессов на рынке труда на риски легализации преступных доходов и оценка степени этого влияния; выработка рекомендаций по снижению уровня рисков легализации доходов, полученных преступным путём через воздействие на теневые процессы в сфере занятости.

В современной научной литературе рассматриваются отдельные аспекты данной темы. Международные исследования под эгидой ООН и ФАТФ уделяют большое внимание такой международной проблеме, как торговля людьми и незаконный ввоз мигрантов, рассматривая их как предикатные преступления [7]. Работы российских исследователей посвящены изучению масштабов неформальной занятости [8–10], её влияния на государственные финансы [10], различным аспектам нелегальной миграции [11, 12], включая оценку её криминогенности [13, 14]. Комплексный подход к изучению теневых процессов на рынке труда как фактора формирования рисков легализации доходов, полученных преступным путём, составляет новизну и практическую значимость представленного исследования.

Теневые процессы на рынке труда в первую очередь связаны с различными формами неформальной занятости и получения теневых доходов. Под неформальной занятостью, как правило, понимается некриминальная деятельность, связанная с производством товаров или услуг на продажу, которая в силу характера ее осуществления не предполагает соблюдения трудовых прав, осуществления страховых и налоговых платежей. Подходы к измерению неформальной занятости опираются на резолюции Международных конференций статистики труда. Одним из таких подходов является измерение численности занятых в неформальном секторе [8]. Процессом, тесно связанным с неформальной занятостью, является нелегальная миграция как один из её источников. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных наций против транснациональной организованной преступности, определяет незаконный ввоз мигрантов как «обеспечение, с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда в какое-либо Государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории» [15].

На первый взгляд, теневые процессы в сфере занятости являются исключительно социальным феноменом, специфически присущим рынку труда, и не связаны с финансовым сектором экономики и проблемами легализации преступных доходов. Однако при более пристальном рассмотрении всё оказывается не так однозначно.

Теневые процессы на рынке труда выступают фактором, повышающим риски отмыывания преступных доходов, сразу с двух сторон. Во-первых, они являются одним из источников формирования незаконных доходов. Во-вторых, неформальная занятость и связанные с ней теневые доходы создают благоприятные условия для сокрытия основных каналов отмыывания доходов, полученных преступным путём.

На международном уровне среди всех факторов, так или иначе повышающих риск легализации доходов, полученных преступным путём, и одновременно связанных с теневыми процессами на рынке труда, внимание уделяется преимущественно проблемам нелегальной миграции.

Международные организации выделяют торговлю людьми и незаконный ввоз мигрантов в качестве одного из основных предикатных преступлений, формирующих незаконные доходы. В отчёте ФАТФ «Риски отмыывания денег, возникающие в результате торговли людьми и незаконного ввоза мигрантов» [7] подробно анализируется механизм возникновения подобных доходов и типологии их отмыывания.

В частности, отмечается, что регионами, откуда вывозятся люди, являются Содружество Независимых Государств, Центральная и Юго-Восточная Европа, Западная Африка и Юго-Восточная Азия. Страны назначения находятся в Западной Европе, Северной Америке и Западной Азии. Для отмыывания полученных доходов чаще всего используются такие приёмы, как использование бизнеса с большим оборотом наличных

денежных средств, услуг по переводу денежных средств, системы Хавала (неформальной банковской системы), курьеров наличных денежных средств, подставных компаний, смешения средств, вымышленных имен, подставных лиц и поддельных документов.

Несмотря на то, что получение точной и достоверной информации о масштабах незаконного ввоза мигрантов и полученных от этой деятельности доходах из-за латентного характера совершаемого преступления затруднено, эта преступная деятельность считается высокодоходной. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), торговля людьми и незаконный ввоз мигрантов является третьим наикрупнейшим источником дохода организованной преступности после торговли наркотиками и оружием.

В своем отчете «Оценка угрозы транснациональной организованной преступности» за 2010 г. УНП ООН отмечает, что ежегодно около 55 000 мигрантов незаконно перемещаются из Африки в Европу и более 3 миллионов человек въезжают на территорию США незаконно через южную границу с Мексикой [16]. Согласно данным УНП ООН, доход контрабандистов, перемещающих людей из Африки в Европу, составляет ежегодно 150 млрд долл. США, а из Латинской Америки в Северную – предположительно 6,6 млрд ежегодно. Эти два потока – основные для незаконной миграции [7].

Помимо того, что незаконная миграция выступает одним из источников доходов для лиц, её организующих, она косвенно участвует в некоторых типологиях отмывания преступных доходов. Так, в отчёте ФАТФ «Роль систем «Хавала» и других аналогичных услуг в отмывании денег и финансировании терроризма» [17] отмечается, что альтернативные системы денежных переводов типа «Хавала», распространённые в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, традиционно широко использовались и используются для отправки небольших денежных переводов от частных лиц, например рабочих мигрантов, как законных, так и незаконных. Однако в последнее время происходит трансформация этих систем в сторону увеличения степени их участия в незаконной деятельности, такой как уклонение от налогов, валютного контроля, санкций, финансирование терроризма. Большинство юрисдикций (86 %), участвовавших в исследовании ФАТФ, считают системы денежных переводов типа «Хавала» крайне уязвимыми к отмыванию преступных денег.

Результаты упомянутых выше типологических исследований ФАТФ в настоящее время мало применимы к российской практике в исходном виде и требуют дальнейших исследований с учётом особенностей российской экономики. Имеющиеся фактические данные и экспертные оценки не содержат достаточной информации для выделения доходов от организации незаконной миграции в качестве существенного источника преступных доходов, генерируемых на территории России. Кроме того, по данным Федеральной службы по финансовому мониторингу, системы альтернативных переводов типа «Хавала» на территории Российской Федерации отсутствуют [18, с. 22]

Рассмотрим более подробно масштабы неформальной занятости в российской экономике, а также каналы, по которым теневые процессы на российском рынке труда способны увеличить риск легализации преступных доходов.

По результатам национальной оценки рисков легализации (отмывания) преступных доходов, проведённой в 2017–2018 гг., Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) выделяет четыре зоны такого риска: кредитно-финансовую сферу, сферу бюджетных отношений (включая налоговую сферу), область коррупционных правонарушений, сферу незаконного оборота наркотиков, а также отмечает, что одним из наиболее уязвимых мест российской экономики с точки зрения легализации преступных доходов выступает «сохранение достаточно высокой доли теневой

экономики и высокая доля оборота наличных денежных средств в экономике» [18, с. 12]. Последнее обстоятельство достаточно тесно увязывает феномен неформальной занятости как элемента теневой экономики с проблемами легализации доходов, полученных преступным путём.

Оценки распространенности неформальной занятости в России варьируют в зависимости от источника данных и оцениваются в пределах от 10 до 25 % занятого населения. Это выше уровней, наблюдаемых в наиболее развитых странах, но сопоставимо со странами Восточной Европы и ниже уровня развивающихся стран Азии и Латинской Америки. Специальные исследования фиксируют рост неформальной занятости на протяжении последних 15–18 лет, прежде всего за счет увеличения масштабов неформальной занятости по найму, при практически неизменных масштабах неформальной самозанятости [8, с. 9].

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики (см. таблицу), в неформальном секторе российской экономики трудится около 20 % занятого населения, причем доля занятых в неформальном секторе на протяжении последних десяти лет не только не уменьшается, но имеет тенденцию к росту. При этом неформальная занятость, как правило, сопряжена с неудовлетворительными условиями труда, что косвенно свидетельствует о неэффективном использовании трудовых ресурсов в экономической системе [19].

Исследования показывают, что в структуре занятых в неформальном секторе по видам экономической деятельности лидируют: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; строительство. В региональном разрезе некоторые исследователи выделяют группу из нескольких регионов, в которых уровень занятости в неформальном секторе значительно выше среднероссийского (Республики Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Республика Алтай и Республика Тыва). В остальных регионах уровень неформальной занятости находится на среднероссийском уровне и ниже [9].

Таблица. Занятость в неформальном секторе российской экономики, в среднем за период [20]

Table. Employment in the informal sector of the Russian economy, on average for the period [20]

Год Year	Всего Total	Только в неформальном секторе Only in the informal sector	В неформальном и формальном секторах In the informal and formal sectors	Занятые в неформальном секторе, в % к общей численности занятого населения Employed in the informal sector as a % of the total employed population
2010	11583	10 267	1316	16,6
2011	12922	11 563	1359	18,2
2012	13600	12 296	1304	19,0
2013	14096	12 865	1232	19,7
2014	14387	13 092	1295	20,1
2015	14827	13 545	1282	20,5
2016	15370	13 843	1527	21,2
2017	14324	13 370	954	19,8
2018	14581	13 662	920	20,1
2019	14800	13 836	964	20,6

Как было отмечено ранее, теневые процессы на рынке повышают риски легализации доходов, полученных преступным путём, как прямо – способствуя формированию преступных доходов, так и косвенно – через участие неформально занятых граждан в незаконных финансовых операциях, направленных на их отмывание.

Ввоз и использование труда незаконных мигрантов, уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей с помощью так называемых «серых» схем оплаты труда представляют собой предикатные преступления, доходы от которых в дальнейшем требуют легализации.

По экспертным оценкам, от 1/5 до 1/3 заработков российских работников находятся «в тени» [8]. Статистические данные свидетельствуют, что высокие масштабы неформальной занятости населения крайне негативно отражаются на собираемости налогов, сборов и иных платежей. В 2015 г. в регионах с низкой долей неформальной занятости (до 10 %) с каждого жителя поступило 214 298 руб. налогов, сборов и платежей, а с высокой долей неформальной занятости (свыше 50 %) — почти в 25 раз меньше, всего 8 703 руб. В среднем по России с каждого жителя в бюджет поступило 64 517 руб. в виде налогов, сборов и платежей [10].

Ещё более существенное влияние на формирование преступных доходов оказывает такой сегмент теневого рынка труда, как нелегальная миграция. Исследования показывают высокую степень вовлечённости нелегальных мигрантов в предикатные преступления, связанные прежде всего с уклонением от уплаты налогов и незаконным оборотом наркотиков.

По мнению М.О. Какаулиной [11], бюджетный эффект от осуществления трудовой деятельности мигрантами на территории РФ не столь велик, как этого можно было бы ожидать, исходя из оцениваемых масштабов внешней трудовой миграции в Россию. Данное несоответствие вызвано тем, что большая доля приезжих иностранных граждан трудится в неформальном секторе экономики. Более того, величина налоговых потерь бюджета от непоступления НДС постоянно возрастает, и причина такого роста заключается в снижении декларируемого трудового дохода иностранных граждан.

Нелегальная миграция зачастую служит одним из каналов контрабанды наркотиков, доходы от реализации которых занимают заметное место в ряду доходов преступного происхождения. На основе статистических данных, материалов судебной практики и других источников М.Н. Урда [12] делает вывод о том, что включение незаконных мигрантов в наркобизнес является современной тенденцией развития этого вида преступной деятельности. Более того, незаконная миграция вне зависимости от того, является она криминальной или изначально не связана с совершением наркопреступлений, является криминогенным фактором. Как отмечают исследователи, наркодельцы часто встраиваются в миграционные потоки. При этом мигранты используются как для транспортировки наркотических средств, так и для создания новых зон их распространения. К сожалению, официальные статистические данные не содержат сведения о совершении преступлений незаконными мигрантами, поскольку учет ведется для иностранных граждан и лиц без гражданства в целом, независимо от того, въехали они в страну на законных основаниях или с нарушением требований миграционного режима. Однако известная криминогенность незаконных мигрантов дает основание для предположения, что именно этим контингентом иностранных граждан и лиц без гражданства совершается большинство преступлений рассматриваемого вида. Корреляция миграции и незаконного оборота наркотических средств обусловлена доступностью наркорынков стран безвизового режима, входящих в интегрированные экономические объединения (прежде всего — ЕврАзЭС и СНГ). Сопряженность границ участников объединений и наличие тесных

экономических и социальных связей обуславливают стабильно высокие показатели незаконного оборота и контрабанды наркотиков как в России, так и в странах – стратегических партнерах. Так, в 2018 г. в РФ было зарегистрировано 1357 преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, в Республике Казахстан – 367, Азербайджанской Республике – 281. При этом на долю осужденных иностранных граждан за контрабанду наркотиков в РФ в 2017 г. приходится около половины (155 из 345 осужденных), из которых 93 – граждане СНГ [12, с.76].

Говоря о влиянии теневых процессов на рынке труда на формирование преступных доходов, не следует также забывать о том, что сохранение неформальной занятости, теневых доходов, потоков нелегальной миграции во многих случаях становится возможным благодаря небезвозмездной «лояльности» отдельных представителей компетентных органов. Таким образом, теневой сектор выступает одним из источников, питающих коррупционные доходы, негативно сказывающиеся на уровне экономической безопасности государства [21].

Неформальная занятость и связанные с ней теневые доходы не только порождают преступные доходы, но и создают благоприятные условия для сокрытия основных каналов их отмыывания.

В отчёте об итогах национальной оценки рисков отмечено, что к группе высокого риска относится риск использования наличных денежных средств в схемах легализации преступных доходов [18, с. 15]. Эксперты Росфинмониторинга отмечают, что для российской экономики характерна значительная доля наличного денежного обращения. Обналичивание денежных средств часто используется в схемах отмыывания преступных доходов. При этом, с одной стороны, процессы обналичивания поддерживают функционирование теневой экономики (выплата «серых» зарплат, уклонение от уплаты налогов), а с другой – теневая экономика и теневая занятость способствуют сохранению значительной доли наличного денежного обращения и тем самым усложняют процесс расследования, предупреждения и противодействия легализации доходов, полученных преступным путём.

Среди рисков легализации преступных доходов, имеющих очевидные взаимосвязи с неформальной занятостью, можно назвать риск использования систем денежных переводов и риск использования наличных денежных средств и денежных инструментов, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС, которые Росфинмониторинг относит к группе повышенного риска [18, с. 17–18]. В обоих случаях речь прежде всего идёт о таком элементе теневого рынка труда как незаконная миграция. В документе прямо отмечается, что в рассматриваемый период были зарегистрированы «случаи использования систем денежных переводов при осуществлении расчетов за наркотические средства. Основная угроза исходит от вовлечённых в наркотрафик представителей незаконной миграции и этнических ОПГ (преимущественно из Центральной и Восточной Азии, Украины)» [18, с. 17].

Также специалисты Росфинмониторинга указывают на то, что «недекларирование (либо недостоверное декларирование), а также контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов несет определенные риски ОД, во многом обусловленные наличием протяженной таможенной границы ЕАЭС и отсутствием требования об обязательном представлении физическим лицом документов, подтверждающих происхождение наличных денежных средств и денежных инструментов при их перемещении через таможенную границу ЕАЭС» [18, с. 18]. На первый взгляд, прямая связь с теневыми процессами на рынке труда здесь отсутствует, однако не следует забывать о том, что низкий уровень социальной защищённости неформально занятых работников, и в

первую очередь – нелегальных мигрантов, способствует вовлечению их в криминальную деятельность, в том числе в осуществление операций по трансграничному транзиту наличности.

Немаловажную роль в формировании рисков легализации доходов, полученных преступным путём, играет тот факт, что неформальная занятость и в целом деформализация экономики способствуют расширению доли населения, ограниченного в трудовых и социальных правах, подверженного более высоким рискам бедности, социальной исключённости и, как следствие, рискам быть вовлечёнными в преступную деятельность, в том числе связанную с отмытием преступных доходов. Особенно это касается мигрантов, занятых в теневом секторе экономики.

В последние несколько лет российские криминологи фиксируют новый рост преступности трудящихся-мигрантов, пик которой имел место в нашей стране с 1995 по 2005 г. и снизился в период с 2006 по 2014 г. [13]. Собранная в ходе эмпирических исследований информация свидетельствует о том, что наиболее часто трудящиеся-мигранты совершают не только распространённые общеуголовные преступления, такие как кражи, грабежи, разбои, изнасилования, причинение вреда здоровью, но и преступления, представляющие повышенную общественную опасность и связанные с отмытием денег и финансированием терроризма (преступления террористической направленности, незаконный оборот оружия и наркотиков, торговля людьми. Удельный вес преступлений, предусмотренных ст. ст.127.1, 205–205.5, 208–210, 222, 226, 228.1, 228.2, 280, 282 УК РФ, составил в 2014–2015 гг. 18,2 % [14]. Преступность трудящихся-мигрантов тяготеет к групповым, коллективным формам криминальной деятельности, при этом она характеризуется высокой степенью латентности, в силу чего большая часть преступных деяний, совершенных на территории Российской Федерации внешними мигрантами, остается неучтенной и нераскрытой. Кроме того, результаты исследования преступности иностранцев, проведенного Научно-исследовательским институтом Академии Генеральной прокуратуры России в 2012–2015 гг., свидетельствуют, что из всех совершенных негражданами России преступлений 82 % приходится на лиц, находившихся на момент совершения преступления на территории России незаконно [14].

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что теневые процессы на рынке труда являются фактором, повышающим риски легализации доходов, полученных преступным путём. Поэтому мероприятия по противодействию легализации незаконно полученных доходов, реализуемые в рамках финансового мониторинга, должны сопровождаться мерами по снижению неформальной занятости, скрытой оплаты труда, незаконной миграции.

В качестве наиболее общих мер специалисты, занимающиеся исследованиями феномена неформальной занятости в российской экономике, предлагают сочетание «жесткого» и «мягкого» подходов к снижению неформальной и теневой занятости [8], т. е. сочетание мероприятий, направленных на улучшение институциональной среды, изменение социальных норм, с мерами, направленными на снижение неформальной занятости в определенных сферах экономики инструментами налоговой политики, политики на рынке труда, административного регулирования. Кроме того, с учётом упомянутых выше механизмов взаимодействия неформальной занятости с процессами легализации преступных доходов, представляется немаловажной разработка комплекса мероприятий, направленных на стимулирование безналичного оборота в денежных расчётах населения.

Сочетание «мягкого» и «жесткого» подходов может быть применимо также в борьбе с незаконной миграцией и теми негативными последствиями, которые она

порождает. С одной стороны, ряд исследователей считают, что для снижения масштабов использования незаконных мигрантов в теневом секторе экономики необходимо упростить процедуры регистрации для мигрантов из соседних стран (особенно из стран СНГ). Кроме того, следует развивать межгосударственное сотрудничество, направленное на предварительную подготовку работников конкретных специальностей непосредственно на территориях, с которых они прибывают [11]. Перевод некоторой части мигрантов из теневого в легальный сектор экономики позволит снизить общую криминогенность внешней трудовой миграции и тем самым уменьшить её влияние на формирование и легализацию преступных доходов.

С другой стороны, необходимо эффективное правовое противодействие незаконной миграции, а также участию незаконных мигрантов в преступной деятельности, включая деятельность, связанную с отмыванием доходов, полученных преступным путём. На данный момент уголовно-правовой запрет собственно незаконной миграции установлен только в части незаконного въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках статьи 322 УК РФ. Иные формы незаконной миграции расцениваются по действующему законодательству как административные правонарушения. Специалисты отмечают, что вне поля зрения уголовного закона находятся противоправные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами, если они не достигают нормативно определенных количественных показателей (криминообразующих признаков соответствующих деяний). По мнению некоторых авторов, повышению эффективности уголовного противодействия как наркопреступности иностранных граждан и лиц без гражданства, так и незаконной миграции в целом должно способствовать введение в уголовное законодательство мер уголовно-правового воздействия, сопоставимых с административным выдворением лиц указанной категории [12]. Кроме того, в сфере противодействия преступности трудящихся-мигрантов необходимо уделять внимание не только репрессивно-карательным формам, но и профилактическим мероприятиям.

В заключение следует отметить, что для всестороннего изучения воздействия теневых процессов на рынке труда на формирование рисков легализации доходов, полученных преступным путём, необходимо совершенствование статистического учёта в сфере количественной оценки различных аспектов теневой экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельева М.Ю., Савельева Ю.В., Савельев А.В. Улучшение инвестиционного климата в регионе (на примере Новосибирской области) // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3864-2015-12-22-11-46-37> (дата обращения 09.07.2020).
2. Рекомендации ФАТФ : Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. URL: <http://fedsfm.ru/content/files/documents/2018/рекомендации%20фатф.pdf> (дата обращения 09.07.2020).
3. Филатова И.В., Максимцов М.М. Роль оценки рисков легализации (отмывания) преступных доходов в обеспечении экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 290–293.
4. Плахов А.В., Исаев А.В. Проблемы и новеллы законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 19–26.
5. Ерахтина Е.А. Концепция правовой политики в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов в результате коррупционной деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 79–83.
6. Галали Р.Д.А. Оффшорные банки как канал отмывания преступных доходов и финансирования терроризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 1. – С. 263–269.

7. Money laundering risks arising from trafficking in human beings and smuggling of migrants. July 2011. FATF/OECD. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Trafficking%20in%20Human%20Beings%20and%20Smuggling%20of%20Migrants.pdf> (дата обращения 09.07.2020).
8. Синявская О.В., Бирюкова С.С. Возможные меры по снижению неформальной занятости и скрытой оплаты труда. URL: http://journal.econorus.org/pdf/Sinyavskaya_Biryukova_JNEA_2018_1_37.pdf (дата обращения: 03.05.2020).
9. Маслюкова Е.В., Зайцева Ю.Ю. Занятость в неформальном секторе: количественные методы анализа // Экономика труда. – 2017. – № 4. – С. 423–430.
10. Салин В.Н., Нарбут В.В. Неформальная занятость населения России: оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21. – № 6. – С. 60–69.
11. Какаулина М.О. Методика оценки налоговых потерь региональных бюджетов от нелегальной трудовой миграции в РФ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 142–151.
12. Урда М.Н. Значение незаконной миграции в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ: криминологические и правовые аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 4 (23). – С. 73–78.
13. Корсаков К.В. Эффективные формы и средства предупреждения криминальной активности трудящихся-мигрантов в России // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 455–464.
14. Лелеков В.А., Азарова И.В. Незаконная миграция как криминогенный фактор // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 54–62.
15. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml (дата обращения 09.07.2020).
16. The globalization of crime. A transnational organized crime threat assessment. 2010, United Nations Office on Drugs and Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta/TOCTA_Report_2010_low_res.pdf (дата обращения 09.07.2020).
17. The role of Hawala and other similar services in money laundering and terrorist financing. October 2013. FATF/OECD. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Role-of-hawala-and-similar-in-ml-tf.pdf> (дата обращения 09.07.2020).
18. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Публичный отчет // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL: <http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/оценка%20рисков%20од.pdf> (дата обращения 03.05.2020).
19. Облаухова М.В., Казначеева Н.Л. Об эффективности использования трудовых ресурсов в современной российской экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2016. – № 1 (33). – С. 54–66.
20. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 03.05.2020).
21. Анофриков С.П. Коррупция и экономическая безопасность государства // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 11 (88). – С. 1174–1176.

Поступила 14.08.2020 г.

UDC 331.556.4: 336.2

SHADOW PROCESSES IN THE LABOR MARKET IN THE SYSTEM OF RISKS OF CRIMINAL INCOME LEGALIZATION

Mariya V. Oblaukhova,
oblauhova@ngs.ru

Sergey P. Anofrikov,
anofrikov@rambler.ru

Novosibirsk State University of Economics and Management,
52/1, Kamenskaya street, Novosibirsk, 630099, Russia

Mariya V. Oblaukhova, Cand. Sc., associated professor, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Sergey P. Anofrikov, Cand. Sc., associated professor, head of the Department of Public Finances, Novosibirsk State University of Economics and Management.

***The relevance** of the research is determined by the fact that the assessment of the risks of legalization of proceeds from crime requires the study of factors that contribute to emergence and spread of this phenomenon. A significant role in formation of criminal proceeds is played by shadow economic activity, the size of which is indirectly characterized by the scale of informal employment. The purpose of this research is to study the impact of shadow processes in the labor market on formation of risks of legalization of proceeds from crime. To achieve this goal, the following tasks were solved in the work: an assessment of the scale of shadow employment is given; the main mechanisms of the influence of shadow processes in the labor market on the risks of money laundering were identified; recommendations were given to reduce the level of risks of legalization of proceeds from crime through the impact on the shadow processes in the field of employment. **Methods:** comparative analysis of statistical and scientific materials, analysis of processes in the labor market. The novelty of the research lies in an integrated approach to the study of shadow processes in the labor market as a factor in the formation of risks of legalization of proceeds from crime. **Results.** The paper concludes that shadow processes in the labor market act as a factor that increases the risks of money laundering from two sides at once: firstly, they are one of the sources of the formation of criminal proceeds; secondly, informal employment and the associated shadow income create favorable conditions for concealing the main channels of money laundering. Therefore, measures to counter the legalization of proceeds from crime, implemented within the framework of financial monitoring, should be accompanied by measures to reduce informal employment, hidden wages, and illegal migration.*

Key words: Economic security, laundering of criminal proceeds, informal employment, illegal migration, predicate offenses.

REFERENCES

1. Saveleva M.Yu., Saveleva Yu.V., Savelev A.V. Uluchshenie investitsionnogo klimata v regione (na primere Novosibirskoy oblasti) [Improving the investment climate in the region (on the example of the Novosibirsk region)]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronny nauchny zhurnal*. Available at: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3864-2015-12-22-11-46-37> (accessed 9 July 2020).
2. Rekomendatsii FATF: Mezhdunarodnye standarty po protivodeystviyu otmывaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya [FATF Recommendations: International Standards for Combating Money Laundering, Terrorist Financing and the Financing of the

- Proliferation of Weapons of Mass Destruction]. Available at: <http://fedsfm.ru/content/files/documents/2018/rekomendatsii%20fatf.pdf> (accessed 9 July 2020).
3. Filatova I.V., Maksimov M.M. Rol otsenki riskov legalizatsii (otmyvaniya) prestupnykh dokhodov v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti [The role of assessing the risks of legalization (laundering) of criminal proceeds in ensuring economic security]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 6, pp. 290–293.
 4. Plakhov A.V., Isaev A.V. Problemy i novelly zakonodatelstva o protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem [Problems and novelties of legislation on combating the legalization (laundering) of proceeds from crime]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 19–26.
 5. Erakhtina E.A. Kontseptsiya pravovoy politiki v sfere protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) prestupnykh dokhodov v rezultate korrupsionnoy deyatel'nosti [The concept of legal policy in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime as a result of corruption]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2019, no. 2, pp. 79–83.
 6. Galali R.D.A. Offshornye banki kak kanal otmyvaniya prestupnykh dokhodov i finansirovaniya terrorizma [Offshore banks as a channel for money laundering and terrorist financing]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2019, no. 1, pp. 263–269.
 7. *Money laundering risks arising from trafficking in human beings and smuggling of migrants*. July 2011. FATF/OECD. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Trafficking%20in%20Human%20Beings%20and%20Smuggling%20of%20Migrants.pdf> (accessed 9 July 2020).
 8. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S. *Vozmozhnye mery po snizheniyu neformalnoy zanyatosti i skrytoy oplaty truda* [Possible measures to reduce informal employment and hidden wages]. Available at: http://journal.econorus.org/pdf/Sinyavskaya_Biryukova_JNEA_2018_1_37.pdf (accessed 3 May 2020).
 9. Maslyukova E.V., Zaytseva Yu.Yu. Zanyatost v neformalnom sektore: kolichestvennye metody analiza [Informal employment: quantitative methods of analysis]. *Ekonomika truda*, 2017, no. 4, pp. 423–430.
 10. Salin V.N., Narbut V.V. Neformalnaya zanyatost naseleniya Rossii: otsenka masshtaba i vliyaniya na gosudarstvennyye finansy strany [Informal employment of the population of Russia: assessment of the scale and impact on the country's public finances]. *Finansy: teoriya i praktika*, 2017, vol. 21, no. 6, pp. 60–69.
 11. Kakaulina M.O. Metodika otsenki nalogovykh poter regionalnykh byudzhetrov ot nelegalnoy trudovoy migratsii v RF [Methodology for assessing tax losses of regional budgets from illegal labor migration in the Russian Federation]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 142–151.
 12. Urda M.N. Znachenie nezakonnoy migratsii v nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: kriminologicheskie i pravovye aspekty [The importance of illegal migration in the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances: criminological and legal aspects]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2019, no. 4 (23), pp. 73–78.
 13. Korsakov K.V. Effektivnye formy i sredstva preduprezhdeniya kriminalnoy aktivnosti trudyashchikhsya-migrantov v Rossii [Effective forms and means of preventing the criminal activity of migrant workers in Russia]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 455–464.
 14. Lelekov V.A., Azarova I.V. Nezakonnoy migratsiya kak kriminogenny faktor [Illegal migration as a crime factor]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2016, no. 4, pp. 54–62.
 15. *Protokol protiv nezakonnoy vvoza migrantov po sushe, moryu i vozdukh, dopolnyayushchiy Konventsiyu Organizatsii Obyedinennykh Natsiy protiv transnatsionalnoy organizovannoy prestupnosti. Prinyat rezolyutsiei 55/25 Generalnoy Assamblei ot 15 noyabrya 2000 goda* [Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. Adopted by General Assembly resolution 55/25 of 15 November 2000]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml (accessed 9 July 2020).
 16. *The globalization of crime. a transnational organized crime threat assessment*. 2010, United Nations Office on Drugs and Crime. Available at: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta/TOCTA_Report_2010_low_res.pdf (accessed 9 July 2020).
 17. *The role of Hawala and other similar services in money laundering and terrorist financing*. October 2013. FATF/OECD. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Role-of-hawala-and-similar-in-ml-tf.pdf> (accessed 9 July 2020).
 18. Natsionalnaya otsenka riskov legalizatsii (otmyvaniya) prestupnykh dokhodov. Publichnyy otchet [National assessment of the risks of legalization (laundering) of criminal proceeds. Public report]. *Ofitsialnyy sayt Federalnoy sluzhby po finansovomu monitoringu*. Available at: <http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/otsenka%20riskov%20od.pdf> (accessed 3 May 2020).

19. Oblaukhova M.V., Kaznacheeva N.L. Ob effektivnosti ispolzovaniya trudovykh resursov v sovremennoy rossiyskoy ekonomike [On the efficiency of using labor resources in the modern Russian economy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2016, no. 1 (33), pp. 54–66.
20. Itogi vyborochnogo obsledovaniya rabochey sily [Results of a sample survey of labor force]. *Ofitsialny sayt Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki*. Available at: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265> (accessed 3 May 2020).
21. Anofrikov S.P. Korruptsiya i ekonomicheskaya bezopasnost gosudarstva [Corruption and economic security of the state]. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2017, no. 11 (88), pp. 1174–1176.

Received: 14 August 2020.